

между автором и «живущими, страдающимися и ошибающимся героями»²⁸.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена в рамках исследования по Гранту Президента России. Проект МК-776.2009.6.
- ² Скафтымов А. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. Саратов, 1994. Вып. 3. С. 147–148.
- ³ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве, март 1976 // Солженицын А. Собр. соч.: в 9 т. М., 2001. Т. 7. С. 209–210.
- ⁴ Там же. С. 210.
- ⁵ Солженицын А. [Вступительное слово к «Литературной коллекции»] // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.
- ⁶ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 39.
- ⁷ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 204.
- ⁸ Солженицын А. Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете (20 февраля 1975) // Солженицын А. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 211.
- ⁹ Солженицын А. Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе», Лондон, 25 февраля 1976 // Солженицын А.И. Собр.соч.: в 9 т. Т. 7. С. 179.
- ¹⁰ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 206–207.
- ¹¹ Солженицын А. Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете. С. 220.
- ¹² Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 208–209.

- ¹³ Солженицын А. Ответы на вопросы М.Г. Петровой, 24.12.04 // Солженицын А. В круге первом. М., 2006. С. 625. (Серия «Литературные памятники»).
- ¹⁴ Солженицын А. Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 180.
- ¹⁵ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 212.
- ¹⁶ Солженицын А. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения, Кавендиш, 31 октября 1983 // Солженицын А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. С. 350.
- ¹⁷ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 221.
- ¹⁸ Солженицын А. Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 179.
- ¹⁹ Солженицын А. Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты «Либерасьон», Кавендиш, 1 ноября 1983 // Солженицын А. Собр.соч.: в 9 т. Т. 7. С. 384.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 210.
- ²² Там же. С. 212.
- ²³ Солженицын А. Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты «Либерасьон». С. 374.
- ²⁴ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 200–201.
- ²⁵ Солженицын А. Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 178.
- ²⁶ Петрова М. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А. В круге первом. М., 2006. С. 629. (Серия «Литературные памятники»).
- ²⁷ Солженицын А. Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 185.
- ²⁸ Солженицын А. Ответы на вопросы М.Г. Петровой. С. 622.

УДК 821.161.1.09 + 929 Улицкая

ЭПИГРАФ КАК ФОРМА ДИАЛОГА АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ: НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

С.А. Ишекова

Саратовский государственный университет
E-mail: s-anatolievna@yandex.ru

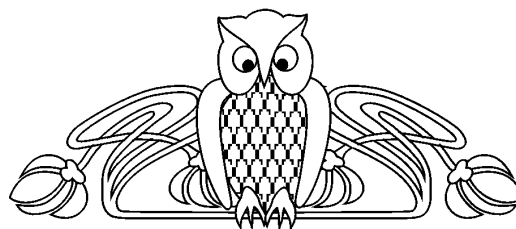
Рассматривается эпиграф как форма диалога автора и читателя, необходимая для реализации повествовательных стратегий в романе. Актуализация эпиграфа помогает читателю не только понять замысел произведения, но и включиться в сотворчество.

Ключевые слова: эпиграф, повествование, реальный читатель, идеальный читатель, диалог.

The Epigraph as a Form of Dialogue of the Author and the Reader: Based on «Kukotsky Mishap» by L. Ulitskaya

S.A. Ishekova

The article deals with the epigraph as a form of dialogue between the author and the reader that is essential for the realization of narrative

strategies in a novel. The implementation of the epigraph helps the reader not only to understand the message of the work, but allows him to join in co-creating.

Keywords: epigraph, narration, actual reader, ideal reader, dialogue.

Изучение эпиграфа позволяет, с одной стороны, рассуждать об авторе художественного произведения, о той авторской программе воздействия на читателя, которую он избирает, с другой стороны – не только об «идеальном» читателе, который способен понять этот замысел, но и о «реальных» читателях и интерпретациях произведения, а также о самом тексте произведения, без которого разговор автора с читателем невозможен. Обратившись к роману «Казус Кукоцкого», мы хотели бы рассмотреть эпиграф – цитату из книги Симоны Вейль «Тяжесть и благодать»:

«Истина лежит на стороне смерти» – как зону начала диалогического взаимодействия автора и адресата, иными словами, проанализировать основную функцию эпиграфа – «сориентировать читателя, дать ему направление для понимания и интерпретации произведения»¹. Поскольку любой эпиграф, представляя собой цитату, предпосланную автором сочинению или его части, рассчитан на восприятие также и того контекста, из которого извлечен, нужно сказать несколько слов о книге С. Вейль «Тяжесть и благодать».

Друг Симоны Вейль Гюстав Тибон издал «Тяжесть и благодать» в 1947 г. спустя три года после ее смерти². Поэтому к моменту выхода в свет романа «Казус Кукоцкого» имя французской мыслительницы было широко известно за рубежом. Гюстав Тибон собрал в книге наиболее значительные из дневниковых записей («Марсельские тетради»), доверенных ему Вейль³. В книге отражены ее поиски источников энергии, позволяющей стремиться не к спасению, не к утешению в мыслях о загробной жизни, но к радости послушания, принятия Креста. Размышления Вейль о том, как, испытывая трудности и несчастья, не причинить зло не только другому, но и собственному представлению о мире, оказались интересными католикам и протестантам, атеистам и агностикам.

Ее духовный опыт не потерял своей актуальности для зарубежного читателя в конце XX – начале XXI в. Подтверждением этому становится и публикация многотомного собрания сочинений в издательстве «Галлимар», и тот факт, что во Франции именем Симоны Вейль названы улицы, школы и лицеи. Но прежде всего об интересе к наследию Вейль говорят полемические статьи ученых – «ответы» философу, в которых исследователи, даже находя пробелы и неточности в суждениях С. Вейль, всегда с восхищением отмечают ее священную потребность – потребность в правде, которой определены и ее тексты, и ее жизнь.

Нам важно сказать о том, что отсылки к идеям Симоны Вейль и творчеству в целом можно найти не только в статьях по философии, истории, социологии и политологии, но и в произведениях художественной литературы. Так, в романе британского писателя Джонатана Коу «Дом сна» (1997) герои на протяжении романа в разные периоды жизни обращаются к книге «Бремя и благодать». Они замечают, что книга написана неудобочитаемым, предельно насыщенным метафорами языком. Вместе с тем в разговорах друг с другом герои не раз цитируют Вейль и пытаются в свете прочитанного осмыслить собственные чувства и события жизни⁴. Они говорят о «Бремени и благодати» как о книге, которую можно раскрыть на любой странице, «в каком бы состоянии вы не пребывали», и найти ответы на вопросы, которые касаются любви и привязанности, утраты и пустоты⁵. Неслучайно в единственном стихотворении, сочиненном героем романа, первая и последняя

строчки отсылают к этой книге. Думаем, что такие отсылки вполне понятны зарубежному читателю.

В предисловии к первой российской публикации сочинения С. Вейль «Илиада», или Поэма о силе» в журнале «Новый мир» С. Аверинцев пишет о том, что произведения, никогда не предназначавшиеся для печати ей самой, уже изданы и прочитаны как на французском, так и на иностранных языках, но время для восприятия наследия С. Вейль еще не наступило⁶. Ученый отмечает основные вехи ее биографии: учеба в Сорбонне, преподавание философии в лицеях, смерть от недоедания: «Ее жизнь кончилась тем, что она, работая во время войны у де Голля в лондонском штабе французского Сопротивления <...> жестко сокращала свой ежедневный рацион, чтоб не иметь преимуществ перед соотечественниками, томившимися в условиях оккупации»⁷. Не заостряя внимание на ее гражданской позиции (увлечение марксизмом и последующее разочарование в нем, участие в забастовках, гражданской войне в Испании), С. Аверинцев выделяет те мысли, которые были для Симоны Вейль особенно важны: о значении античности для мировой культуры, о духовности труда, об унижающем овеществлении личностного бытия человека под действием Силы – насилия истории, насилия природы. Он подчеркивает, что ее любовь к образу Христа, евангельской духовности находили выражение в аскетизме, в страхе оказаться в привилегированном положении перед кем бы то ни было: «она так и умерла некрещеной. На поверхности было нежелание формально выходить из еврейства, пока продолжаются гитлеровские гонения на евреев. В глубине была боязнь, что место в Церкви – тоже “привилегия”, хотя бы и самая желанная»⁸. После прочтения предисловия, написанного С. Аверинцевым, становится понятным, что жизненный путь Вейль – это бескомпромиссный, неустанный путь поиска истины.

В интервью 2001 г. Л. Улицкая говорит о том, что Симона Вейль жила очень высокой жизнью⁹. Писательница сообщает не только об интересе к личности С. Вейль. Она упоминает о том, что цитата «Истина лежит на стороне смерти» показалась ей близкой словам апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» (1-е к Коринфянам, 13, 12)». Таким образом, попытку в «Казусе Кукоцкого» «найти некоторую точку понимания, которая располагается вне пределов нашей реальности», по мнению Л. Улицкой, можно соотносить с напряженным и трагическим разговором об оценке жизни в книге «Тяжесть и благодать»¹⁰.

С. Вейль в своем дневнике пишет о том, что пустота в душе человека может быть заполнена любовью к Богу, а не верованиями, «подслащающими горечь». Она говорит, что от веры в бессмертие и тех «утешений», которых обычно ищут в религии, нужно избавиться¹¹. С. Вейль объясняет это тем, что «воображение, заполняющее пустоту,

ложно по самой своей сути»: «Оно исключает третье измерение, потому что в трехмерном пространстве расположены лишь реальные объекты. Оно исключает множественность отношений»¹².

В романе «Казус Кукоцкого» в тетради Елены Кукоцкой говорится о существовании «третьего состояния». Записывая собственные воспоминания, героиня, «как археолог, вскрывает глубокие пласты», пытаясь понять, что происходит с ней и ее жизнью: «Мне совершенно ясно, что мои потусторонние путешествия во всякие странные места, хоть и нелегалы, но пребывание там не менее реально, чем все то, что окружает нас здесь, где я авторочкой пишу в толстой общей тетрадке, начатой Таней и брошенной в самом начале в связи с окончанием учебного года»¹³. Подобные состояния пугают ее потому, что она не может понять законов перехода к ним, они для нее подобны смерти: «Я не проснулась – я просто не спала. Утренняя мгла, тягостная и неприятная в обыкновенные дни, казалась теперь живым жемчужным светом... А то, что мне было показано там, было отсутствие света, печальное и бесприютное место. Это была она, сень смертная...»¹⁴.

Когда читатель во второй главе сталкивается с описанием мира, в котором пространство изменчиво, а время множится, распадается на несколько времен, ему, тем не менее, не может показаться, что это продолжение тетради Елены. В тетради было передано беспокойство, тревога, вызванная отсутствием памяти героини. Во второй части романа речь идет о героине, которая почувствовала себя Новенькой духовно и физически: «Все было совершенно правильно, хотя и совсем не похоже на то, к чему она так долго готовилась. Все происходящее не соответствовало ее забытым теперь ожиданиям, шло вразрез и с лубочными представлениями церковных старух, и со сложными построениями разнообразных мистиков и визионеров, но зато согласовывалось с ранними детскими предчувствиями. <...> она наслаждалась легкостью собственного шага, огромности обзора, дивной согласованности тела и мира, раскинувшегося вокруг нее»¹⁵.

Теперь повествование строится от третьего лица, а пространственные точки зрения меняются от повествователя к другим героям: Новенькой, Иудею, Бритоголовому. Заметим, что персонажей с такими именами не было в первой части.

В первой тетради Елены переданы ее ощущения от переживания состояний в местах с иными системами координат, а во второй части романа героиня неожиданно для себя оказывается в подобном месте и существуют в нем. Обратим внимание на то, что роман первоначально назывался «Путешествие в седьмую сторону света». Отказавшись от этого названия, автор делает переход к повествованию об этом путешествии еще более неожиданным и даже неправдоподобным. Для создания такого эффекта на читателя используется повествовательная стратегия «текст в

тексте» – вставной рассказ, сюжет которого прямо не связан с основным текстом произведения. Художественный эпизод оказывается объединенным с другими частями произведения не только героями, но и проблемой человеческого пути, поиска свободы и правды героями. Показанный автором нематериальный мир второй части романа «Казус Кукоцкого» все-таки обладает собственными законами, главные из которых – бесстрашие и желание двигаться вперед. Некоторым героям (профессор, манекен) не удастся заново «обрести себя», так как они не могут отказаться от страха перед смертью, смириться с ней. Другим же открываются и гармония, и красота, и любовь.

Таким образом, повествование первой части о событиях в жизни врача Павла Кукоцкого и членов его семьи прерывается и возобновляется лишь в третьей части. Герои во второй части представлены в непривычном пространстве, времени, под незнакомыми именами, которые в ходе повествования соотносятся с их именами в первой части. Первым узнает о собственном имени Иудей – Илья Иосифович, потом Бритоголовый – Павел Алексеевич и Новенькая – Елена Кукоцкая. Кроме того, в этой же части автор показывает героев, которые еще не представлены читателю, опережая повествование (музыкант Сергей, его отец – профессор и даже неродившийся правнук Павла Алексеевича).

Можно сказать, что перед нами тот случай, когда «в программе воздействия автора, рассчитывающего на воображение читателя», используется «так называемая трудная форма – стилевая доминанта, предполагающая, однако, что читатель поймет смысл, заполнит пробелы и в целом прочтет произведение в соответствии с концепцией автора»¹⁶.

Диалог между автором и читателем как полноправным участником эстетической коммуникации в романе «Казус Кукоцкого» оказывается сложным, но возможным, так как автор выбором эпиграфа подсказывает направление для понимания и интерпретации романа.

У реальных читателей (судя по откликам в Интернете) симпатии не вызвали ни поиски цели и смысла жизни Тани Кукоцкой, ни правдолюбие и принципиальность ее отца, ни пограничные состояния Елены, в которых той открываются недоступные в реальной жизни истины. Они признаются в своих рецензиях, что не поняли роман, в котором мрачные описания советской эпохи сочетаются со сном и бредом. Фраза «истина лежит на стороне смерти» показалась мрачной, говорящей о тщетности человеческих исканий и всего земного существования тем, кто не был знаком с творчеством С. Вейль.

Дело в том, что после публикации ««Илиады», или Поэмы о силе» в 1990 г. до выхода следующей книги С. Вейль «Укоренение» прошло десять лет. В небольшой рецензии к последней книге, опубликованной в журнале «Континет», отец Георгий

Чистяков пишет о том, что помимо составителя Константина Сигова, переводчика книги и Сергея Аверничева ее выхода ждали только два-три человека, остальным же имя Симоны Вейль в России почти незнакомо¹⁷. После «Укоренения» на русском языке были опубликованы эссе Сьюзен Зонтаг и Чеслава Милоша о трагических противоречиях в жизни и творчестве философа, написанные ими в 1960-е годы. Но книга «Тяжесть и благодать», с которой Л. Улицкая познакомилась в самиздатской версии, стала доступна широкому кругу читателей только спустя восемь лет после выхода романа «Казус Кукоцкого».

Можно предположить, что идеальный читатель Л. Улицкой – тот же самый, что и будущий читатель С. Вейль, о котором говорил С. Аверинцев.

Примечания

- ¹ Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 306.
- ² Ликвинцева Н. «Тяжесть и благодать»: История книги // Вейль С. Тяжесть и благодать. М., 2008. С. 11.

- ³ Там же.
- ⁴ Коу Д. Дом сна. М., 2008. С. 195.
- ⁵ Там же. С. 373.
- ⁶ Вейль С. «Илиада», или Поэма о силе // Новый мир. 1990. № 6. С. 249.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 250.
- ⁹ URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2001-12-20/1_ulickay.html (дата обращения: 30.08.10).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Вейль С. Тяжесть и благодать. М., 2008. С. 42.
- ¹² Там же. С. 46.
- ¹³ Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М., 2009. С. 125.
- ¹⁴ Там же. С. 122.
- ¹⁵ Там же. С. 219.
- ¹⁶ Чернец Л. «Как слово наше отзовется...» Судьбы литературных произведений: учеб. пособие. М., 1995. С. 51.
- ¹⁷ Чистяков Г. Бога никто выдумать не может // Континент. 2004. № 119. С. 346.